

Янгузин Айбулат Римович

САМОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья раскрывает специфику самосознания. Основное внимание в работе автор акцентирует на идее самосознания как основном факторе формирования духовности общественных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 209-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

В «серебряный век» русской культуры мифологический игровой стиль жизни стал нормой среди художественной интеллигенции. По справедливому замечанию В. Ходасевича, символисты отчетливо понимали, что играли, и игра становилась их жизнью. О З. Гиппиус говорили, что она представляла собой мифологическую игровую натуру: ее реальный облик всегда укрывался капризами, интригами, манерностью, с помощью которых она играла с внешним миром. Заметим, что состояние быть постоянно «в роли» и воспринимать мир через призму театральности, карнавальности характерно для богемной, художественно-артистической среды в любую эпоху. Артист полностью вбирает в свою жизнь театрализованное игровое поведение, так что впоследствии совершенно невозможно разобрать, где он сам, а где его маски. Это и рождает миф о человеке.

В целом можно утверждать, что игровая природа мифа способствует рождению театрального искусства и актерского мастерства. В рамках мифа формируется символическая способность перелицевания-игры мира субъективных аффектов в чувственно-объективное бытие (а впоследствии наоборот) через культовые действия, ритуал. Сама жизнь человека трактуется как бесконечная игра-цепочка «рождений – смертей» души, образующих ее цельное единство. Это способствует полноте бытия отдельного человека и становлению его «Я». Миф способствует театрализации человеком своего собственного бытия и бытия окружающей жизни, то есть игровая природа мифа переносится в жизнь человека. Это рождает принцип «человек – это миф, а миф – это человек», который эксплуатируется в последующих эпохах, а в рамках современности приобретает невиданный размах.

Список литературы

1. Апинян Т. А. Игра в пространстве серьезного: игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб., 2003.
2. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
3. Гадамер Г.-Г. Игра искусства // Вопросы философии. 2006. № 8.
4. Голосовкер Я. Э. Миф моей жизни // Там же. 1989. № 2.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. М., 1989.
6. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX вв. СПб., 1997.
7. Сигов К. Б. Человек вне игры и человек играющий: введение в философию игры // Философская и социологическая мысль. 1990. № 4. С. 31-47.
8. Хейзинга Й. Homo ludens (человек играющий). М., 2001.
9. Шиллер Ф. Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1959. Т. 6.
10. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб., 2004.

TO THE PROBLEM OF ACTING TECHNIQUE ORIGIN WITHIN THE LIMITS OF MYTH PLAY NATURE

Elena Lyudvigovna Yakovleva, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Department of Philosophy
Institute of Economics, Management and Law in Kazan'
mifoigra@mail.ru

The article reveals the problem of theatrical art origin and acting technique within the limits of myth play nature and particularly the ritual. Art and myth are genetically interconnected, moreover play nature manifests itself in them which serves the origin of the play type of a human.

Key words and phrases: myth; art; play; myth play nature; acting technique; actor; people of play type; shaman; mythological stage adaptation of life; carnival.

УДК 130.123

Статья раскрывает специфику самосознания. Основное внимание в работе автор акцентирует на идее самосознания как основном факторе формирования духовности общественных отношений.

Ключевые слова и фразы: самосознание; самоопределение; самоорганизация; свобода.

Айбулат Римович Янгузин, д. филос. н., доцент
Кафедра философии и методологии науки
Бакирский государственный университет
nbret@yandex.ru

САМОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ[©]

Любая система самоорганизуется и организуется. В частности, происходит и формализация системы – неизбежное следствие внешнего, прежде всего материального, упорядочивания. Индивид сам по себе есть

мини-система, а также элемент системы социальной, и первейшая задача организации и самоорганизации – привести элементы социальной целостности в согласованное бытие, упорядочить отношения посредством норм, законов, традиций, правил, запретов и поощрений, иными словами – создать условия для относительно благополучного функционирования системы как через определенные организации, так и через сами элементы целого. Организация полезна, но на своём месте, и здесь она – главное. Организация и самоорганизация предполагают упорядочивание эмпирической внешней жизни индивидов, согласование жизни отдельного человека с нормами социума, как бы застревая между земным «адам» и «раем». Цель их – облегчить как бытие целого, так и жизнь индивида, адаптируя его к социальной среде (социализация индивида на чисто внешнем уровне). Это осуществляется не только за счёт разных формальных правил и диктата государства над индивидами, но и за счёт самих индивидов – их привычек, стереотипов поведения, интересов и антипатий, социальных и этических идеалов.

Определённость образа жизни человека, физический уход за своим телом и поддержание здоровья, исполнение индивидом социальных ролей, его обязанности и права, выбор знакомств – всё, что внешне упорядочивает и облегчает, а в определённых ситуациях и усложняет жизнь индивидов, и как высший идеал организация материального благополучия – вот основные цели и достижения всякого внешнего упорядочивания. Волей необходимости и случая функции индивида оказываются ценнее и значимее его самого, а жизнь тела ценнее жизни духа, и душа призвана, прежде всего, обеспечить это материальное бытие тела.

При самоопределении личность уже является самоорганизованной, и самоорганизация здесь уже не на первом месте; это – формальный фундамент бытия сознания, упорядочивание его функций, сил, свойств, состояний, отношений и ценностей-идеалов. Это упорядочивание составных содержаний уже и на анатомическом, и физиологическом уровне и далее на уровне психическом, и это же выявляет качество, суть, глубину, значение и ценность для индивидуальности и личности, смысл этих содержаний, – всё это делает самоопределение как таковое, для которого субъективность всегда важнее её внешних и формально-психических функций. Самоопределение выявляет подлинность и ложность внутреннего бытия «Я»; это самопознание человеком качества и степени ценности, зрелости своей души и духа; это творческое самоисследование, прямое или косвенное. Цель самоопределения – не включение индивида в социум, а познание возможностей и ограничений, качеств личности, её самооценности и только потом её отношение к социуму и смысл её бытия в социуме.

Это – познание и дальнейшее оформление автономии и свободы субъекта в мире ограничений. Недостаточность физического, материального, социального бытия человека приводит к осознанию им внутреннего своего мира, идеальности как ценности и относительной свободы, автономии «Я» от внешних принуждений. «Я» – создатель самого себя и более того – смысл «мёртвого» космоса, жизнь на уровне экзистенции, поиск своей высоты и подлинности, оформление высшей нравственности и её слияние с волей к истине. Формально у самоопределения и самоорганизации одна цель: защита жизни и борьба с хаосом. Но в первом случае речь идёт о жизни души, духа, идеальности, самости, а во втором – о внешней, эмпирической жизни.

Когда мы говорим о самоопределении, то имеем в виду бытие независимости, риска, бунта, творческого полёта в неведомое, творчество себя в мире и мира в себе. Во втором случае речь идёт о желании нормы, о культе усреднённости и стабильности. Тут мы имеем тягу к покою, чем к стабильному движению. Речь идёт об определённом духе консерватизма и страхе инноваций, о подавлении личности цивилизацией с её институтами.

Самоорганизация исходит из духа рассудочности, а не из разума. Дух организационности при этом оказывается самодовлеющим, ценится разумное притворство (этикет), сила кулака и закона. Самоорганизация стремится избежать противоречий. Она исходит из чисто внешнего обустройства жизни. Однако те, для кого это делается, часто оказываются лишь марионетками целого.

Само понятие «самоорганизация» обладает внутренней противоречивостью. Индивид здесь проявляет инициативу, но реально он выполняет, воплощает в свою жизнь требования социума, и это следствие воспитания, разных внешних и социальных влияний, стереотипов, идеологий и традиций социума. Общая неразвитость индивида заставляет его, прежде всего, обслуживать своё эго и согласовывать его интересы с интересами других эго и государства в целом. В большой степени самоорганизация есть видимость самоорганизации. Организация – регуляция внешних отношений; самоопределение же строит перспективу отношений внутренних, от души к душе. Внешнее упорядочивание организации – распределение в целом тел и ресурсов, жизнеобеспечение, прежде всего, целого, государства, нации. Политика, реклама, товарно-денежные отношения, когда и сам человек, и его способности становятся товаром, приоритет экономики, внешнего – вот необходимые следствия организации. Это – система поощрений и запретов, власть чинов и бюрократии. Для организации общность важнее личности, быт важнее экзотики, проза – поэзии. Но целое должно быть глубинно и творчески согласовано с индивидуальным, или оно должно быть отвергнуто, как тюрьма личности. Самоопределение же не столько регулирует функции индивидуальности, сколько выявляет, исследует их, определяет их природу и ценность для «Я». Это – творческое самопознание духа. Это – реализация бессознательного духа как духа сознательного. Элементы духа должны быть согласованы, организованы, упорядочены, но не это главное, а главное, что они собой представляют, их качественность, бытие, возможности. В процессе самоопределения субъект дополнительно творит себя, познаёт свои перспективы, упорядочивает свой образ мысли, познаёт эффективность своих методов деятельности. Сознавая себя как дух, человек превращает дух в своё достоинство, тогда как ранее он был всего лишь одержим им или вообще не имел в себе духа.

И все ценности он уже определяет через творческий дух. Напротив, организация – власть механизма, который, по мнению Риккерта, «превращает всё в окаменелое и мёртвое» [4, с. 238].

Организация желает минимума свободы, видя в ней риск, возможность бунта, преступления, кризиса. Организация созидает цивилизацию; напротив, самоопределение – культуру. Для организации важен сам генезис явления. При этом высота духовного состояния важнее его генезиса. Организация тяготеет к рациональному, техническому. Организация заставляет субъекта добровольно исполнять всё ему навязанное; самоопределение, напротив, зиждется на свободном выборе «родственного», «родного», лучшего для творца и нравственного человека. Организация знает «единство», дух – «всеединство». Организация даёт субъекту всё, что он имеет, но не даёт ему его личность, которая подчас вырабатывается наперекор всему и всем.

Вывод, вытекающий из всего сказанного, таков: современное общество должно ориентироваться именно на идею самоопределения, а не на мысль о самоорганизации.

В основе идеи самоопределения лежит идея человеческой личности как высшей ценности. Только в процессе развития и саморазвития человек сможет наконец достичь состояния, которое ему предназначено. «Свободным, – пишет Гегель, – человек должен стать, т.е. человеком права и нравственности, и он должен стать таковым посредством воспитания» [2, с. 398]. При этом государство, чтобы достичь развития процесса самоопределения личности, призвано, по мнению Гегеля, опираться на религию, поскольку всё сокровенное в религии получает своё абсолютное обоснование. Гегель считает, что анализ всякой общественной системы следует начинать с рассмотрения религии, которая господствует в данном обществе. «Каков характер религии народа, такова и его нравственность, таково и его государственное устройство. Последние полностью зависят от того, обладает ли народ лишь ограниченным представлением о свободе духа или истинным сознанием этой свободы» [Там же, с. 259].

Для современного этапа общественного развития характерно разрушение сложившихся норм и ценностей. При этом в силу постоянного изменения общества рождается потребность в новых символах. Учтём и тот момент, что в современном мире глобальное сознание в своём стремлении утвердить себя разрушает традиционное сознание, а тем самым преодолевает зависимость человека от локальной культуры и религиозных форм. Возникающие новые ценности часто выступают выражением процесса планетаризации человеческого сознания.

Мы полагаем, что современное нам человечество живёт в эпоху, когда в фокусе внимания находится живая человеческая личность. При этом личности призваны действовать на уровне высокой идейности и сознательно «вбирать» в себя культурную интеграцию как сверхличное и надындивидуальное целое.

Однако общественный хаос препятствует реализации человеческой «самости», «Я». При этом в самом российском обществе накоплен колоссальный опыт и потенциал для будущих катастрофических изменений. В опасности оказались не только люди, лишённые ценностных ориентаций для своего духовного развития, но и окружающая среда. Перемены, которые произошли в обществе, изменили условия жизни и деятельности людей, а вместе с ними и внешние основания свободы: экономические, политические, правовые.

История свидетельствует о том, что все государства, переживающие исторические и культурные перемены, первостепенное внимание уделяют образованию, науке, культуре. Именно данные стороны человеческой жизнедеятельности как раз и способствуют преобразованию человека. Сложность переходного периода сильно затрудняет развитие духовных потенций человека, формирование внутренних оснований свободы в их согласовании с внешними основаниями.

Для того чтобы люди в современном российском обществе могли идти дальше, им следует помочь освободиться от различных стереотипов мышления. Человек должен в своём выборе ценностей ориентироваться не только на внешние стороны жизни, но и развивать свои внутренние качества. Обращение человека к своей внутренней сущности способствует утверждению индивидуальной самобытности. Итак, духовное начало является определяющим для человека, придаёт его материальной деятельности смысл и значение.

Наша страна переполнена миссионерами, которые стремятся вывести народ к свободе, как будто сама российская культура лишена собственных истоков. Но, к сожалению, притязания некоторых россиян на свободу ограничиваются лишь стремлением к копированию западных моделей общественного переустройства. Людям кажется, что демократические порядки западного образца ограничивают свободу, но ведь её ограничивает и демократия западного типа. Она калечит человека на свой лад, вовлекая его в индустрию потребления и развлечений. Слова, сказанные Г. П. Федотовым, заставляют задуматься. Он пишет: «Если же солнце свободы, в противоположность астрономическому светилу, восходит с Запада, то все мы должны серьёзно задуматься о путях и возможностях его проникновения в Россию» [6, с. 302]. А для этого, полагает Г. П. Федотов, Запад должен предложить удачное решение социального вопроса и заложить веру в идеал свободы, равносильную идею коммунизма.

Наш отечественный советский период во многом напоминает средневековое общество, когда человек постоянно находился в оковах, но его жизнь наполнялась смыслом, принадлежностью к целому. Россиянам близка идея консолидации. Она имеет глубокие национальные корни и проявляется в умении в критической ситуации концентрировать духовные и физические силы общества. За прошедшее столетие основания российской культуры были сильно подорваны и расшатаны революциями, войнами, политическими экспериментами. Изменившиеся условия жизни осложняют и затрудняют процесс формирования высоких идеалов на основе эмпирической реальности. Именно поэтому в настоящее время наблюдается бурный всплеск религиозности.

Роль духовного начала в достижении свободы своеобразно раскрывается Е. Трубецким. Анализируя взгляды Папы Григория VII, Е. Трубецкой указывает, что задача духовного лица заключается в том, чтобы победить мир, быть от него свободным. Эта цель достигается священником через осуществление аскетического идеала, ведущего к победе сверхчувственного устремления над человеческим эгоизмом, к торжеству духа над

плотью. И только в этом случае можно говорить об овладении служителями алтаря доступной человеку свободой, об их возможности проникнуть во внутреннюю реальность мирянина, покоряя его ум и совесть. Победа над плотью и составляет предпосылку самоопределения, которое выражает внутреннее «Я» человека.

Россия всегда стремилась сохранить основополагающий принцип своей культуры – целостность, которая опирается на веру. Жизнь показывает, что и по настоящий день вера сохраняется в почвенном гумусе народной культуры. Вера человека в себя, в людей, в будущее выступает определяющим основанием свободы человека. Её не в состоянии истребить ни одна идеология и ни один режим.

Трудно добиться целостности человеческой души, гармонизировать внутренний мир человека, когда в обществе нет единства, а действуют противоборствующие силы, порождающие разлад и препятствующие процессу самоопределения «Я». Жёсткий процесс дифференциации общества на бедных и богатых, рост нужды в среде работающего населения, отсутствие каких-либо социальных гарантий в большей мере способствуют порождению массовых психозов, нежели самоопределению «Я», расцвету свободы.

Анализируя современные духовные и культурные процессы в российском обществе, заметим, что самоопределение – не единичный акт, а длительное осмысление своего бытия.

В настоящее время авторы предлагают различные «проекты» выхода из кризиса, но они не учитывают того факта, что мир России не «покрывается» никакой логической схемой, не измеряется моделями выхода из кризиса. Индивид становится всё более субъективным. Его зависимость от общества становится всё менее значимой. Он стремится отстоять свою самостоятельность, самобытность, права и свободы.

Действительность учит нас надеяться только на себя. Однако парадоксальность современной ситуации состоит в том, что наша эпоха рождает и новые возможности для человека. Сама жизнь выглядит более многомерно, т.е. как серия поступков, обусловленных свободным выбором и ответственностью человека; не-свобода же чаще всего является результатом неправильного выбора, и виноват в этом сам человек. Верующий скажет, что человек своими неверными поступками отчуждает себя от Бога, лишается Его благодати и поэтому становится несвободным. Неверующий может выдвинуть в качестве причины несвободы неправильные действия человека, сталкивающие его с социальной либо с природной необходимостью. И соответственно своей вере, своим убеждениям каждый укажет свой путь обретения человеком свободы. К примеру, человек запутался в жизни, он видит, что каждый его шаг оборачивается очередными оковами. Но если человек, последовав совету Ф. М. Достоевского, обретёт в себе силы обратиться к своей совести, то он вновь сможет стать активным субъектом.

Но здесь мы всё же заметим, что совесть «говорит», чего мы делать не должны, т.е. она существенным образом ограничивает нашу деятельность и, следовательно, препятствует быть активными (особенно если её понимать исключительно как способность к покаянию). И тем не менее через свободу совести, видимо, может быть восстановлена свобода действий, духа и т.д. Ведь нравственный образ мысли и есть, по большому счёту, нравственное действие.

В настоящее время россияне столкнулись с явлениями, которые прежде не были характерны для нашей жизни. Многие желают стать собственниками, стремятся на данной основе стать подлинно свободными. Но если человек «цепляется» за объекты, то не он «владеет» ими, а они им; в результате человек становится «узником» фактической данности, утрачивает способность самоопределения. Причём это касается не только материальных предметов, но и духовных. Поэтому мы и развиваем ту мысль, что «Я» личности содержательно богаче духовного «Я», в котором превалирует фактор воли.

Внешняя свобода и независимость индивида часто оборачиваются его внутренней зависимостью от многих факторов. Человек, хотя и находится в зависимости от окружающей среды, вместе с тем закабальет себя сам. Его одолевают сомнения, страсти, гнев, алчность, он оказывается зависимым от мнений среды, иллюзий, групповых стандартов.

Стремясь к свободе, человек переживает страх и страдания, чувство вины и угрызения совести. Достижение свободного общественного состояния, выступающего предпосылкой самоопределения, требует от личности огромных усилий. Именно по этой причине, считаем мы, многие реальной, духовной свободе предпочитают свободное рабство, но делают данный выбор чаще всего неосознанно. Если жизненные условия не способствуют реализации сущностных сил человека, то от них он стремится избавиться любым способом. Однако на деле одна форма несвободы заменяется другой. Так человек может метаться от крайности к крайности, пока не станет искать причины своей несвободы. В первую очередь в самом себе, где и осуществляются акты «самополагания» и «самоограничения» его «Я». Сложность состоит в том, что часто условия и обстоятельства не способствуют свободному развитию человека, порождают отчуждение и самоотчуждение его «Я».

Постоянно сталкиваясь с несправедливостью и иными негативными факторами человеческого общения, человек получает тяжёлую душевную травму. Но переносят её люди различным образом. Одни не утрачивают веры в добро и стремятся прекратить любые отношения с источником зла. Другие – более подвержены деструктивным процессам и сами становятся носителями зла. Именно такая «свобода от», т.е. от добра, а не всякая «свобода от» является негативной свободой.

Люди, стремясь достичь процесса самоопределения, часто оказываются перед выбором: ориентироваться на внутренние ценности и избрать путь, сопряжённый с ответственностью, самосовершенствованием, надеждой, верой, или же попытаться обрести покой, подчинив себя воле и интересам других, добровольно приняв зависимость и исключив тем самым процесс самоопределения. И тогда уже никакой самостоятельности – полное послушание как бы на договорных условиях. В итоге человек постепенно утрачивает свою

человеческую сущность, становится товаром. Причины столь плачевного выбора – неразвитость души человека, приоритет материальных ценностей над духовными. Если же человек найдёт в себе силы и мужество не расстаться со своим внутренним «Я», со своей совестью, то он будет связан с миром и людьми.

Человек призван научиться разбираться в окружающем его мире чувств, различать свободу простую и сложную. Одно дело – свобода ребёнка, а другое – свобода взрослой, социализированной личности. Но вместе с тем нельзя сказать, что существует одна свобода для юношества, а другая – для зрелого возраста. Однако нет свободы, пригодной для человека вообще, составляющей основу всех человеческих свобод. Такая свобода является сущностной для личности, но до определённого времени она сохраняется на уровне потенции, потенциальной свободы, в то время как действительная свобода есть синтез необходимого и возможного. В данном синтезе свобода актуализируется, переходя из потенциального в действительное состояние.

Однако процесс самоопределения сталкивается с огромными трудностями. Нас мучает страх за будущее, многие живут в нищете. Таким образом, человек бытийствует при наличии двух начал: свободы и несвободы. Свободное начало обусловлено, прежде всего, внутренним «Я» человека, его духовным миром, нравственным велением, в то время как несвободное – различными «должен» и «надо».

Следует также отметить, что человек подвержен непрерывному изменению, имеет возможность постоянно преобразовывать себя. Путь своего дальнейшего изменения определяет сам человек, преобразуя природные и социокультурные начала в своё «Я», в свою «самость».

Итак, назначение свободы состоит в том, что человек должен оторваться от своего индивидуального бытия, чтобы вновь открыть начала свободного бытия, освободить, так сказать, «себя от самого себя».

И. Кант полагает, что, с одной стороны, наше «Я» как «вещь в себе» относится к «интеллигибельному» миру, к миру, который открывается нам нравственным поведением, а с другой – мы, как «представители чувственного мира», принадлежим к миру явлений. Данная позиция прослеживается и при решении Кантом проблемы соотношения духовности и телесности, души и тела человеческой личности.

Кант выводит человеческую способность автономно определять свою волю из того факта, что человек есть существо, которое преобразовало свои естественные потенции. Он выступает, таким образом, против истолкования человека как пассивного создания природы или общества.

У человека, другими словами, поведение автономно мотивировано. У животного поведение определяется внешними причинами. Человек есть поэтому «цель в себе», в то время как животные суть лишь простые «средства», поскольку они полностью детерминированы телом. Такая позиция, полагаем мы, при всём своём уважении к человеку, отличается слишком высоким моральным пафосом и ведёт в конечном счёте к абсолютизации морально-духовного начала.

Рассмотрим те места из сочинений Канта, где он говорит о силе философии, о силе философского духа воздействовать на бренное тело личности.

Прежде всего, под «здоровым» Кант понимает такого человека, «в котором пропорциональное возбуждение не вызывает ни чрезмерного, ни слишком малого действия» [3, с. 531]. Данное обстоятельство весьма существенно, поскольку «в противном случае животная реакция природы переходит в химическую, каковая имеет своим следствием гниение, так что (вопреки обычным предположениям) не гниение должно происходить вследствие смерти и после неё, а смерть вследствие предшествовавшего гниения» [Там же]. Это – верный взгляд, ибо гнить мы начинаем часто уже при жизни, олицетворяя низшую «ступень природы человека ещё до появления всякой культуры, а именно простой животный инстинкт» [Там же, с. 531-532]. Но очеловеченность, или дух, позволяет развить в себе силы, которые мы можем «применять впоследствии, [уже] в соответствии с законами свободы» [Там же, с. 533].

Способность философствовать, а затем и вступать в дискуссии, «вести, сплываясь в массированные объединения (школа против школы, как войско против войска), друг против друга открытую войну: такая тяга, говорю я, или, скорее, порыв, должна быть принята за одну из благих и мудрых установлений природы, с помощью коих она стремится отвести от людей великое несчастье стать гниющим трупом ещё при жизни» [Там же, с. 531].

Именно философия, субстанцией которой является свобода, свободное мышление, предохраняет личность от многих недугов, от гниения заживо.

Человеческая жизнь обладает достоинством и требует уважения. Коннотации слова «честь», закреплённые за ним за всю историю до эпохи модерна, оставили свой след на самой семантике слова «достоинство». Это – коннотации зависимого от общественного статуса этоса. Достоинство короля воплощалось в стиле поведения, связанного с иной формой жизни, нежели то, что было свойственно, например, ремесленнику. От этих конкретных обозначений вполне определённого достоинства и абстрагировалось универсалистски заострённое выражение «достоинство человека», подобающее личности как таковой.

Мы всё же полагаем, что достоинство человеческой жизни лежит выше символической сети обратимых отношений взаимного признания. Достоинство жизни состоит именно в том, что она становится духом. Уже тело человека есть нечто одухотворённое. Для человека «вырастает то, что раньше было холодным и мёртвым, в питающее зерно, в освежающий плод, в оживляющую виноградную лозу...» [8, с. 348]. Вокруг человека облагораживаются животные, получая от него более здоровую пищу, за которую воздают добровольным послушанием. Вокруг человека облагораживаются и души других людей. Чем больше кто-либо – человек, тем шире и глубже воздействует он на других, а «то, что носит истинную печать человечности, будет всегда оценено человечеством» [Там же].

Следовательно, достоинство человеческой жизни заключается главным образом в том, чтобы служить человеческому роду. В этом мы видим главный аспект идентификации и самоидентификации личности. Последняя конечная цель – полное согласие человека с самим собой, или высшее благо – «совершенно недостижимая и должна остаться недостижимой, если только человек не должен перестать быть человеком, чтобы стать богом» [Там же]. Однако он должен всё более и более приближаться к данной цели, причём приближаться до бесконечности, усовершенствоваться до бесконечности, а это и есть его предназначение или его достойная жизнь. Поэтому мы по большому счёту должны стремиться не к тому, чтобы всеми силами поддерживать едва теплящуюся в индивиде жизнь, а, как говорит Фихте, «поднять на высшую ступень культуры наш общий братский род – в молодых людях, работая над развитием которых, я, весьма вероятно, работаю над развитием ещё неродившихся миллионов людей» [7, с. 488].

Личность человека, всё её духовное богатство проявляется как раз в том, что основные характеристики человека перестают выступать в качестве чисто природного начала. В человеке всё «очеловечено», так как человек как индивид существует в связях и отношениях с другими людьми. Глубинные, «родовые» характеристики человека (в этом состоит его «сущность») есть, по Марксу, итог мировой истории, продукт социальных воздействий [1, с. 484].

Та глубинная интенция, из которой исходит Маркс, заключается в том, что человек не только социальное, но главным образом практическое существо. Эта мысль не нова. А. Цешковский, М. Гесс и другие видные «младогегельянцы» ориентировались, прежде всего, на активнейшее практическое вмешательство теоретизирующего философа в дела земные. Другими словами, они мечтали вступить на путь «служения истории».

Надо сказать, что существующие формы практики отличаются достаточной инерционностью, так что люди соединяются в такие социальные группы, характеристики которых повторяются. Человек, созидая предметы, реализует себя в природе, превращает её в «очеловеченную» природу. Но природа не так пластична, чтобы её можно было так быстро преобразовать в человеческую реальность.

Но и сам по себе вопрос о действительности свободы связан с устройством социального, культурного миропорядка. Мир либо позволяет человеку развивать свои способности, либо обрекает его на страдания. В современной России благоприятной предпосылкой для формирования свободы являются возродившиеся общественные движения, пробуждающие энергию культурного развития. Каждое из них стремится найти самостоятельные пути к свободе. В богатой палитре человеческих индивидуальностей, при их разнонаправленности, обращает на себя внимание тот факт, что люди стремятся к свободе деятельно. Хотя горизонты выбора перед человеком расширяются, к свободе ведут далеко не все предлагаемые пути [Там же, с. 188].

Любое целое – общество или отдельный человек – имеет свой механизм функционирования. При этом могут доминировать экономические, политические, идеологические или какие-либо иные факторы. В настоящее время значительное место во взаимодействиях между людьми, а также в их связях с обществом занимают рыночные отношения, создающие благоприятные условия для процесса самоопределения личностей. Но привнесённый извне, проходящий апробацию на российской почве рынок на корню губит другие, не менее одаренные натуры. Доминирование чего-то одного – это, как правило, подчинение, разрушение другого «Я». Вместе с тем гармоничное целое основывается на сбалансированности своих составляющих. Свободное «Я» многомерно и представляет собой целостность высокоразвитых духовных, душевных, телесных и иных неотъемлемых качеств, начал личности. Поэтому человеческая целостность призвана развиваться во всей своей многогранности и многофункциональности. Она включает в себе не только радость, счастье, но и горе, необходимость, которые при определённых условиях выступают предпосылками освобождения человека, личности.

Социальная жизнь – это постоянный конфликт между нашими желаниями и действительностью. Человеческий ум, настроенный на повседневность, предпочитает удалиться от противоречий, конструируя удобные идеалы. Индивидуум не устраивает себя таким, каков он есть. Он стремится стать иным, причём идеал становится для него не столько целью, сколько средством. Однако если идеал как цель начинает отличаться от идеала как средства, то цель всё же не достигается.

Идеал-средство становится оковами личности, препятствует её процессу самоопределения. Но личность весьма горда своим идеалом, она дорожит им, даже если идеал становится иллюзией. В идеале личность, общество обнаруживают условия своей безопасности.

Если идеалом личности выступает свобода и данный идеал оборачивается всего лишь средством жизни, то действительная свобода не достигается. Если самый первый шаг человека к свободе не является свободным, то не возникнет свободы и в конце стремления к ней.

Итак, свобода выступает вечной проблемой, а следовательно, такой проблемой остаётся и проблема самоопределения «Я». Самоопределение изначально противоречиво, многоаспектно и по своей сути антиномично; оно складывается из процессов «самополагания» и «самоограничения» «Я». Но через взаимодействие своего «Я» с «другим» личность способна заглянуть в мир «иного», приобщиться к бесконечному, но ей всё же не дано постичь всю его сущность. Самоопределение личности человека в любую историческую эпоху имеет свои границы. Личность, по своей сущности, есть бесконечная задача, и она сохраняет проблемный характер; ведь сам путь человека к свободе требует от него огромных, никогда не прекращающихся усилий.

Высоко духовная личность, для которой характерна потенция самоопределения, не тождественна ни индивидуальному, ни даже гениальному «Я». Трансцендентальное «Я» глубже социального «Я» [4, с. 111-112], находится в сфере самосознания и появляется антиномичным образом. Оно существует в неразрывной связи

со своей жизнью благодаря интуиции особого рода. Данная интуиция сопряжена со страстным стремлением служить всему человеческому роду, «приподнять» этот род на более высокую нравственную высоту. Ведь, работая над развитием творческих способностей личности, я, быть может, «вовлекаю» в круг своей деятельности и дальнего, ещё не родившегося, человека и, таким образом, обеспечиваю способность самоопределения человеческого рода пока лишь в виртуальной форме.

Высокодуховная личность есть «для-себя-бытие». То, что не есть для себя самого, не является «Я». Искусство быть самим собой – это и потенция развития массового сознания, и одновременно условие для личностного самосовершенствования. В данном отношении «Я» выступает в виде единства самой основы сознания. Только такое понимание способно прервать внешнюю экзистенциальную форму, способно внести «интеллигенцию» в замкнутое «для-себя-бытие» Абсолютного «Я». Это «внутреннее» и есть «жизнь» духовности, которая никогда не потребляется до конца, а вечно осваивается. Отсюда можно сделать вывод о том, что высокодуховная личность и массовое сознание достигают своего объединения в тот момент, когда «переносятся» в плоскость исследования идеи трансцендентального «Я» и его социокультурных модификаций.

Список литературы

1. **Баллаев А. Б.** Гегельянцы первой половины XIX в.: философия Людвиг Фейербаха и Карла Маркса // История философии: Запад – Россия – Восток. М.: Изд-во «Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина», 1996. 374 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Философия религии: в 2-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 532 с.
3. **Кант Иммануил.** Сочинения: в 4-х томах, на немецком и русском языках. М.: Ками, 1993. Т. 1. Трактаты и статьи (1784-1796).
4. **Левицкий С. А.** Трагедия свободы. М., 1995. 512 с.
5. **Риккерт Г.** Философия жизни. Минск – М.: Харвест; АСТ, 2000. 240 с.
6. **Федотов Г. П.** Россия и свобода // Судьба и грехи России: в 2-х т. СПб., 1991. Т. 1. 352 с.
7. **Фихте И. Г.** Несколько лекций о назначении учёного // Фихте Иоганн Готлиб. Сочинения: работы 1792-1801 гг. М.: Ладомир, 1995. 654 с.
8. **Фихте И. Г.** О достоинстве человека // Фихте И. Г. Соч.: в 2-х т. СПб.: МИФРИЛ, 1993. Т. 1. 687 с.

SELF-CONSCIOUSNESS AS THE FACTOR OF THE FORMATION OF PUBLIC RELATIONS SPIRITUALITY

Aibulat Rimovich Yanguzin, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and Methodology of Science
Bashkir State University
nbret@yandex.ru

The article reveals self-consciousness specifics. The author pays special attention to self-consciousness idea as the basic factor of the formation of public relations spirituality.

Key words and phrases: self-consciousness; self-determination; self-organization; freedom.